

Кнут Гамсун и бог Локи

ЛЮДИ обычно едут в чужие страны с готовыми представлениями о том, что предстоит увидеть. Иногда они везут с собой ворох случайных сведений, иногда — груз предвзятостей, а иногда — образ, запавший в душу сквозь «магический кристалл» давным-давно полюбившейся книги.

У меня, как и у многих людей моего поколения, представление о Норвегии сложилось из книг Кнута Гамсуна. В годы, когда одно за другим появлялись на свет его могучие творения, с такой удивительной точностью прозвучали слова Максима Горького. Разбирая различные типы писателей, он говорил:

«...Затем идут художники исключительной духовной силы, сосредоточенности и почти чудесного духовного зрения; они обладают способностью видеть никому не видимое, понимать никому не понятное, открывать в обычном — необыкновенное...»

Это — монументальные люди искусства, творцы «вечных книг», деспоты в области литературы, создатели школ, течений, стилей.

Кнут Гамсун принадлежит именно к этой группе художников слова.

Из книг Гамсуна возникал прекрасный и суровый облик Норвегии, где люди жили, борясь со скудной природой, терпя бедность и зло. Гамсун с удивительной беспристрастностью живописал бедность, несправедливость, зло, не возмущаясь, не предлагая выхода. Такое бесстрашие удивляло читателя, волновало, тревожило, требовало объяснений. Объяснение было дано в заключительных словах литературного портрета, еще три десятилетия назад с таким блеском нарисованного Горьким:

«Это невероятно трудный подвиг — жить на земле в образе Кнута Гамсуна и беседовать всю жизнь с кем-то глухим, немым, а может быть, неизлечимо глупым или же безумно злым. И как хорошо, что это чудовище не существует и что люди, подобные Гамсуну, размышляя о жизни, только нарастают головой Локи, дабы оторвать ее».

Время оказалось более изобретательным, чем мог предугадать великий гуманист. Чудовище, о котором писал Горький, отожествляя его с богом зла Локи из древних скандинавских саг, набрало сил и расположилось в самом сердце Европы, — голову ему нарастили хозяева денежного мешка. И вот чудовище полонило родину Гамсуна, а он, вместо того, чтобы быть заодно с теми, кто силится снести голову богу зла, распростерся перед ним ниц. Это было ударом в сердце всем тем, кому дороги были великопленные творения Гамсуна. Норвежцы, да и все честные люди на земле, отrekli его тогда от Гамсуна и проклинали его имя.

...Но вот я в Норвегии. Я сижу со своим собеседником председателем Норвежского союза писателей Хансом Хейбергом за столиком ресторана, осушая чашку за чашкой крепкого кофе. Кофе в скандинавских странах — национальный напиток, как у нас чай. Там нельзя себе представить ни дружеской вечеринки, ни деловой беседы, ни, наконец, официального приема без кофе; норвежцы или шведы могут пить его небольшими глотками из крохотных чашек в течение долгих часов... Вот и на этот раз мы осушаем четвертую или пятую чашку.

— Скажите, — решаюсь я наконец, — как смотрят сегодня наши норвежские коллеги на Кнута Гамсуна и его книги?

Ханс Хейберг ответил не сразу. Он начал, тщательно подбирая слова, но постепенно увлекся и, входя в подробности, рассказал, как на девятом десятке жизни Кнут Гамсун вызвал презрение и ненависть соотечественников, подержав оккупантов и позволив им использовать свое имя. Помолчав, председатель союза писателей добавил:

— Благодаря своему таланту Кнут Гамсун мог стать гордостью норвежского народа. Изменив своему народу, он изменил и своему таланту. Но пять лет назад Гамсун умер. И сегодня мы, норвежские писатели, считаем, что пора снова издавать книги Гамсуна, — ведь они являются достоянием классической литературы Норвегии.

— Великий писатель Гамсун победит в памяти народа своего последыша, склонившегося перед богом Локи? — попробовал я суммировать норвежскую точку зрения.

— Да! Да! — обрадованно закивал седою головой Ханс Хейберг, и на его еще молодом лице мелькнула улыбка.

Писательские будни

НЕ ЗНАЯ скандинавских языков, я вынужден знакомиться со скандинавской литературой по переводам. Поэтому я не решусь говорить о ее сегодняшнем дне. Но я

встречался и беседовал с писателями Скандинавии, — об этом я и хочу рассказать.

Мне особенно запомнились встречи с нашими шведскими коллегами в новом Доме писателя на окраине Стокгольма. Небольшое двухэтажное деревянное здание, построенное еще в первой половине XVIII века, мастерски реставрировано: оно целиком сохранило романтический дух старины. Реставрация и оборудование дома произведены на средства муниципалитета города, ряда государственных организаций и за счет частных взносов.

Ныне дом перешел в собственность четырех организаций шведских литераторов: союза писателей, объединяющего прозаиков и поэтов; союза «Минерва», объединяющего авторов научно-популярных книг; союза детских писателей; союза переводчиков. (К слову сказать, организации переводчиков имеются во многих странах; есть международное объединение переводчиков при ЮНЕСКО. Не пора ли и нам подумать о создании творческой организации переводчиков?)

Мне довелось побывать в шведском доме писателя дважды: на встрече с группой писателей и в день торжественного открытия, отмеченного поднятием национального флага и банкетом, на котором наряду с другими ораторами произнес веселую и умную речь Михаил Александрович Шолохов. Наши шведские друзья от души радовались тому, что теперь у них будет свой дом; особенно торжествовал Стеллан Арвидсон, председатель союза писателей. Дом писателя в значительной степени — его детище.

У Стеллана Арвидсона — пронзительные серые глаза, скрытые стеклами сильных очков, и внешность школьного учителя. По профессии он и в самом деле учитель, но он также литературовед и поэт. Уже много лет Стеллан Арвидсон — ректор высшей школы преподавателей. Вдобавок он член риксдага (парламента) от социал-демократической партии. Как видите, это очень занятой человек, что, впрочем, не мешает ему уделять внимание приезжающим из-за границы литераторам и помогать им знакомиться со Швецией.

В беседах со скандинавскими писателями почти неизменно заходила речь об условиях литературного труда. Наши скандинавские коллеги приходятся работать в нелегких условиях, их преследуют материальные заботы. О том, что писательский труд оплачивается в Швеции далеко не достаточно, заявил Стеллан Арвидсон в речи на банкете, об этом же говорили мне и председательница шведского союза переводчиков Эльза Тюльн, и романистка Инга-Лена Ларсон, и другие.

Гонорар писателя в скандинавских странах — как, впрочем, и в подавляющем большинстве западных стран — определяется в зависимости от числа проданных книг. В Норвегии, например, писатель получает 15 процентов выручки — с вычетом стоимости обложки — за первые 5 тысяч проданных экземпляров и 20 процентов выручки — опять-таки с вычетом стоимости обложки — за все, что продано сверх того; драматурги получают 10 процентов театральных сборов. Писатели получают также небольшие отчисления из государственного библиотечного фонда. В Швеции из этого фонда отчисляется по 3 эре за каждую взятую из библиотеки книгу; из них 2 эре поступают в пользу автора книги, а 1 эре идет в литературный фонд. Надо, чтобы библиотечная книга побывала на руках у 25 читателей, чтобы писатель получил 50 эре — стоимость одного трамвайного билета.

Можно перечислить по пальцам тех писателей Скандинавии, которые имеют возможность целиком отдаваться своему творчеству. Подавляющее большинство имеет какую-нибудь профессию, нередко весьма далекую от литературы. Впрочем, встречаются и литературные профессии, весьма далекие от подлинной литературы... 9 мая я увидел на второй странице стохольмской газеты «Свенска дагбладет» объявление такого содержания:

«Писатель-невидимка. Требуется опытный стилист с фантазией и юмором для работы по составлению речей и докладов».

Дальше следовал шифр, под которым предлагалось посылать на адрес газеты соответствующее предложение... Вряд ли неблагодарный труд писателя-невидимки может удовлетворить любого литератора.

В мире театра

СКАНДИНАВСКИЙ театр — театр серьезный, с хорошим художественным вкусом, как правило, не соблазняющийся дешевыми эффектами, театр ищущий, обладающий чувством нового.

Интересен прежде всего его репертуар. В Национальном театре в Осло я побывал на премьере «Войны и мира» в инсценировке Пискатора и Неймана (перевод принадлежал Хансу Хейбергу). Инсценировщики, равно как и режиссер Кнут Хергель, не ставили себе задачей воплотить в сценических образах все содержание великого романа. Это, вероятно, и невозможно; они попытались передать лишь его антивоенную сторону. Уже в прологе ведущий напрямую полемизирует с Наполеоном; заключительные слова ведущего содержат горячий призыв к борьбе против войны. Можно спорить о том, Толстой это или не Толстой, но бесспорно одно: это политически острый и полезный спектакль.

Там же в Осло я видел в Народном театре другой интересный спектакль с антивоенным острием — «Троянской войны не будет» Жана Жироду. Написанная до войны, эта сатирическая комедия Жироду переживает сейчас вторую молодость. Тот же Народный театр сыграл в этом сезоне свыше ста раз «Дневник Анны Франк» в инсценировке Гудрича и Хаккетта, — эта антифашистская, антирасистская пьеса совершает сейчас триумфальное шествие по всему миру.

В Драматическом театре в Стокгольме я видел хорошую постановку «Превращения капитана Брасбаунда» Бернарда Шоу. Главную роль — леди Сесилия — исполнила превосходная артистка Инга Тидблад; ее талант показался мне сродни таланту В. Марецкой: тот же юмор, то же умение перевоплощаться, то же победительное обаяние.

Национальный театр в Осло играет в каждом сезоне одну или две пьесы Ибсена, пьесу Бьернсона; в его репертуаре — Шекспир, Мольер, Шоу, Гарсиа Лорка. Драматический театр в Стокгольме ставит ежегодно одну или две пьесы Стриндберга; в его репертуаре — Ибсен, О'Нейл, современные шведские драматурги. Драматический театр ставит и русскую классику: зрители шведской столицы видели в его исполнении «Вишневый сад», «Чайку», «Дядю Ваню», «Месяц в деревне»; из этих спектаклей наибольший успех выпал на долю «Дяди Вани». Отличные драматические театры имеют Гётеборг и Мальмё, на их сценах можно видеть Миллера, Брехта, О'Кейси, Жироду и Пиранделло.

Меня интересовали сроки подготовки спектаклей. В скандинавских театрах спектакль обычно ставится месяца за полтора. Репетиции «Войны и мира» в Осло заняли 6 недель, репетиции «Превращения капитана Брасбаунда» в Стокгольме — менее 5 недель. Такие темпы репетиций вызваны не только необходимостью частого обновления репертуара.

— Если постановка спектакля затягивается, то, по нашим наблюдениям, наступает период «мертвых репетиций», — сказал мне Стиг Торслов, один из руководителей стохольмского Драматического театра. — «Мертвыми» мы называем такие репетиции, когда спектакль топчется на месте, а то и движется вспять...

Встреча на озере

Веттерн

МЫ ЕХАЛИ из Гётеборга в Стокгольм. Позади было недельное путешествие по южной Швеции, и все мы порядком устали. Дело шло к вечеру. Взглянув на карту, я предложил спутникам переночевать на озере Веттерн. Это величественное озеро растянулось с севера на юг больше чем на сотню километров; в ширину оно занимает километров двадцать, а местами и больше. На западном берегу Веттерна расположено местечко с забавным для нашего уха названием Ю. Там мы и решили остановиться.

Не успел я в гостинице Рип заполнить регистрационный листок, написав в графе «профессия»: «литера-

тор», как хозяйка фру Эрнфридсон воскликнула:

— Какое совпадение! У нас здесь тоже живет литератор. К тому же он редактор литературной газеты.

Последнее сообщение меня порядком удивило: ведь я справлялся, есть ли в Швеции литературная газета, и получил отрицательный ответ. Тем временем из соседней комнаты вышел молодой человек в очках, с серьезным лицом и взъерошенными волосами.

— Карл-Аксель Хёглунд, — отрекомендовался он. — Редактор «Паравана».

Так я познакомился с ответственным редактором литературно-политической газеты «Параван», издаваемой группой молодых писателей Гётеборга. Мой новый знакомый тут же принес свою газету. Она имела 8 страниц, и в ней было все, что положено литературно-политическому изданию: статьи, очерки, рассказы, стихи, — много стихов, — рисунки, карикатуры.

Мы сели обедать. Блюда подавал симпатичный юноша без очков, но тоже с взъерошенными волосами. Склонившись ко мне с блюдом жареной ветчины и фасоли, он указал на одно из стихотворений в «Параване»:

— Это мои стихи, — заявил он без авторской гордости.

Так я познакомился с молодым поэтом Кентом Андерсоном.

Вечер мы провели в обществе Хёглунда, фру Эрнфридсон и ее дочери Урлы. Она оказалась женой ответственного редактора «Паравана», а следовательно, главной виновницей того, что маленькая гостиница походила на литературный клуб.

— Нас, молодых писателей, не признают издательства, — говорил Карл-Аксель Хёглунд. — Они навязывают нам невыгодные договоры, ставят в трудные условия.

Хёглунд сослался на собственный пример. У него вышли до сих пор три книжки. Первая — сборник коротких рассказов «В дождь и сумерки» — была напечатана тиражом в 1 200 экземпляров; за нее он получил 400 крон. Вторая — повесть «Вместе» — опубликована тиражом в 1 000 экземпляров; за нее он не получил ничего! Третья книжка — повесть «Ситуация», изданная тиражом в 3 000 экземпляров, принесла автору 1 000 крон. (Мужской костюм в Швеции стоит крон 250—300, а то и дороже.)

— Бывает и хуже, — добавил Хёглунд, — случается, что ни одно издательство не хочет печатать начинающего писателя, и тому остается издавать книгу за собственный счет... Конечно, если у него есть деньги. Вот мы, молодые писатели, и объединились, чтобы действовать сообща и совместными усилиями проложить себе путь в литературу.

С величайшим трудом, собирая по грошам необходимые средства, молодые писатели Гётеборга приняли шесть лет назад издавать гентографированный ежемесячный журнал «Параван» («параваном» называется приспособление для траления подводных мин). Их усилия имели успех. Недавно группа решилась на то, чего не удалось осилить писателям старшего поколения: она перешла к выпуску газеты. Вышло два номера тиражом в 3 600 экземпляров, но пока еще неясно, будет ли газета окупаться, а от этого зависит ее существование. Помимо того, группа выпускает пластинки грамзаписи и устраивает киносеансы, причем особым успехом пользуются фильмы Эйзенштейна. Планы Хёглунда и его товарищей идут значительно дальше, — чего только не задумалось, когда тебе двадцать пять лет, а в груди горит жаркий огонь любви к искусству!

Мы засиделись до поздней ночи. Мои собеседники все продолжали рассказывать о себе, мечтали вслух, а главное, с жадностью расспрашивали об условиях работы и существования молодых литераторов в Советском Союзе. Потом мы всей гурьбой отправились гулять на берег озера.

Я слушал горячие речи наших молодых друзей, для которых пробиться к читателю — далекая и трудно достижимая мечта, а литература, возможно, навсегда, — только вторая профессия, и думал как жаль, что этого ночного разговора не слышит советская литературная молодежь! Ведь часто мы не умеем ценить тех возможностей, которые социалистическая система предоставляет нашим молодым — да и не только молодым — писателям...